

Писатель комментирует письма

Николай ДОРИЗО

шую форму безрассудного благородства.

Но не противостоят потому, что ты не слаб, а просто равнодушен?! Вот где, по-моему, начинается моральное преступление.

Обратная сторона равнодушия — ощущение чужой боли. Если говорить о литературе, то вся она — боль за чужую боль. На этом стоит, этим определяется. «От ликующих, праздно болтающих, обаяющих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви!» — слова поэта, исполненные болью. Мало того — только эта боль и заставляла людей братья за перо, была движущей силой, без которой, может быть, не было бы написано ни строчки. Но разве чувствовать так — удел только писателей, поэтов, публицистов? Нет, конечно, удел любого человека.

Многие предпочитают прятаться, как улитки, в свои раковины и, если видят, что угрожает опасность — моральная ли, физическая ли, — не вмешиваются ни во что, потому что так спокойнее, потому что самое важное для них — собственное благополучие...

И, наконец, о муже читательницы П. К. Выглядит он, бесспорно, омерзительно. Спокойно — подчеркиваю, спокойно — бросает в такой ситуации ребенка! Ведь его могли в этой драке заотпать, ударить. Бросает жену. Если даже он последний трус, мог, по крайней мере, упасть в обморок или, наоборот, впасть в истерику. На самом же деле он покрутил пальцем у виска: мол, что с нее возметь? Женщина прекрасно все понимает и вместе с тем не уходит от мужа. Почему? Не хочет лишать ребенка отца? Она, так самоотверженно и вместе с тем безрассудно бросившаяся спасать чужого парня, почему-то не думает о спасении своего сына от того влияния, которое оказывает на него отец. То, что мальчик умоляет ее не ввязываться в драку, — это естественно. Здесь я пока не вижу ничего страшного, просто ребенок испуган за мать. Страшно дружке. То, что она терпит гнусные оскорбления приятеля мужа, а муж цинично над всем этим посмеивается. И все это тоже происходит на глазах у ребенка.

Конечно, уйти от мужа бывает не так-то легко.

«Инерция неволи», инерция, по которой люди иногда живут; так и не узнав за всю свою жизнь, что такое счастье, движет семейной жизнью нашей читательницы. И здесь не оправдаться благом ребенка, ради которого якобы все это терпится и прощается.

Есть страдания, которые забываемы. Видимо, именно потому женщины написали в «Литературную газету». Они не просят прийти им на помощь, привлечь к ответственности виновных. Нет, их письма — просто крик души, желание поделиться наболевшим.

Но вот письма опубликованы, и может быть, они вызовут отклики, раздумья читателей, а сами эти раздумья помогут женщинам обрести вновь веру в себя, веру в людей.

ЧУЖДАЯ БОЛЬ

Как обычно, в половине восьмого вечера я вышла на прогулку со своей собакой — некрупным эрдельтерьером. Впереди шли, смеясь, две девушки и высокий парень. Парень дурачился и вдруг свалился перед своими спутниками на землю. Мой пес от неожиданности залаял. И вот тут парень набросился на собаку и стал пинать ее ногами. Я бросилась между ними и неожиданно получила сильный удар в челюсть, на мгновение потеряла сознание, а когда очнулась, он вновь стал меня бить.

Я звала на помощь, плакала, умоляла остановить хулигана, но люди шли мимо, спешили от меня прочь...

Сегодня меня мучает сознание того, что вот такие негодяи могут безнаказанно попирают человеческое достоинство, причем, заметьте, при прямом попустительстве окружающих.

Е. МОСКАЛЕВА

ХИМКИ

Однажды я, муж и сын четырех лет возвращались домой. Возле дома на дороге двое парней избивали третьего: били ногами по голове, в живот, словом, куда больнее. Кругом стояли люди, ахали. Я, когда вижу такое, кидаясь защищать, уже не думаю, ударят ли меня или ножом проткнут...

Так вот. Бросилась разнимать дерущихся, а муж изо всех сил меня удерживает. Кричу ему: «Женя, ну помо-

ги, помоги!» Он покрутил у виска пальцем, махнул на меня рукой и пошел домой. Сын кричит, я расталкиваю ребят, а они бьют, бьют лежащего на земле. Потом спокойно ушли. Кругом стояли люди, выглядывали из окон... и возмущались...

Когда пришла домой, первое, что услышала от мужа: «Дура!». А сын все видит, все впитывает и размышляет, как же все-таки лучше поступать. Как мама или как папа?

Я знаю, случись что со мной, муж никогда за меня не заступится. Он трус и эгоист. Однажды его изрядно опьяневший друг больно оскорбил меня. Он же стоял рядом и улыбался...

Я росла среди людей, которые никогда не лицемерили. И если сталкивались с чужой бедой, не проходили мимо. И я никак не привыкну, что где-то надо смолчать, где-то улыбнуться, когда тебе не хочется. Противно. Не понимаю людей, которые улыбаются в лицо, а за спиной поносят на чем свет стоит.

И тем не менее от мужа так и не ушла. Вот только страх появился за сына. Были случаи, когда я опять «встревала» в какую-нибудь драку, а сын, как муж, тянет меня за руку и умоляет: «Мам, не ходи, ну не ходи...»

Так и живем. Но будь я волшебницей, всех злых и бессердечных превратила бы в добрых и отзывчивых именно на чужую боль.

П. К.

МОСКВА

РАВНОДУШИЕ. Оно страшно всегда и всегда опасно. Оно и там, где человек смолчит, чтобы не испортить себе карьеру, и там, где лжет, лицемерит. Правы читатели: действительно, равнодушие — это и лицемерие. Это самый страшный враг на сегодняшний день, в мирное время. Потому что в войну, в труднейшие годы равнодушие наверняка оборачивается явным предательством, преступлением. И, смею утверждать, нет такого преступления, которое могло бы осуществиться, если бы рядом не стояло равнодушие.

Письмо Е. Москалевой. Трудное письмо, тяжелое. Никто из прохожих (а ведь дело происходило в людном месте, и парень, распоясавшийся хулиган, не был вооружен, приструнить его, очевидно, не составляло труда) не защитил женщину от жестокого избиения, не защитил, хотя она взывала о помощи.

Прошло время, зажили физические раны, и физическая боль не мешает теперь женщине по ночам спать. Мешает другая рана — душевная. Как видите, она и сильнее, и глубже, и длительнее той боли от вывихнутой челюсти, разбитого лица. И теперь ночами ей все чаще приходит мысль: «Страшно жить на свете. Не хочется уже верить людям. Не знаю, буду ли я, как раньше, стараться во всем им помогать?»

Теперь она боится своей прежней готовности не проходить мимо чужой боли. Она боится, и понять ее можно. Нельзя понять остальных — благополучных и спокойных, уверенно чувствующих себя в этой благополучности. «Со мной ничего подобного случиться не может», — шепчут они себе в успокоение. И это нормальные, обычные люди, вот только с неразбуженной совестью. Разбудить ее может только экстремальная для них ситуация, ведь к чужой боли они глухи. Тогда возникает восприятие боли — своей как своей и чужой как своей.

А вот другое письмо, подписанное инициалами П. К. Что произошло? На глазах у людей, спокойно стоящих и смотрящих, даже ахающих, бьют парня. И вот женщина бросается на защиту. Делает она это безотчетно, повинувшись порою, не прислушиваясь к расудку.

Все люди, как известно, склонны к самоанализу. Но, прочитав это письмо, разбираясь, например в себе, не могу однозначно ответить — трусливый я или смелый. Знаю только, что страх за свои поступки у меня приходит обычно позже самих поступков, так же, как звук приходит позже света.

Расскажу случай из моей